

Евгения РЫЖИКОВА

с. Еловое, Емельяновский район

Родилась в декабре 1951 года в Манском районе. Восьмилетнюю школу окончила в Анастасинской школе. После девятого класса поступила в ГПТУ и параллельно в школу рабочей молодёжи; окончив, работала в Красноярске в СУ-42. Заочно училась в строительном техникуме. Стихи писала с детства, рассказы — с тридцати лет.

ПРО СТАРИНУ

Когда я рассказывала моей дочери что-нибудь о детстве в хуторе, она слушала внимательно, но ей трудно было поверить в подлинность той жизни, которую мы видели в лесной стороне и которой мы жили сами в годы нашего детства. И веет от неё стариной. Всё переплелось так тесно в моей памяти, так глубоко вошло в сердце, что я уже не могу отказаться от рассказа этой истории. На её подлинности основан мой рассказ. Потому что всё дорого: и лес, и речка, и луга с разнотравьем и полевыми цветами. Так всё было.

Изба у Селиных была из одной комнаты. Русская печь отделяла горницу от кухни. У входной двери была стенка из досок, побелённая известью. В горнице вдоль стенки стояла широкая самодельная кровать, где поперёк неё спали Катинь старшие братья. Матрацев не было. Мария Георгиевна шила из грубой ткани большой мешок и набивала его сеном. Он служила матрацем для ребятяшек. А потом меняла старое сено на новое. Так она выходила из положения. Катина кроватка была маленькая и занимала мало места. Родители спали то на печи, то на своей железной кровати.

Когда телилась корова, то телёнка, если это случилось зимой, приносили в избу. И какое-то время он жил в уголке у входной двери. Мария Георгиевна ему стелила клеёнку и то сено из матраца, чтобы мягче было спать телёнку.

За телёнком ухаживали все и весь день. Он рос, прыгал, крутился. Сено разлеталось. Мать заполняла снегом цинковый бак и ставила его на печурку или в русскую печь для воды. Снег превращался в воду, но воды было мало, и все бесконечно таскали снег, заполняли им бак. Водой мыли полы, телёнка и посуду.

Зимой на хуторе перемерзал ручей. По воду ходили и поили коров в кринице, а это далеко, километра два. Но эта

не единственная проблема была на хуторе. Ещё не было и электричества. Избу освещали керосиновой лампой, лучиной и свечами. Но свечи были большой роскошью для семьи. Их было негде купить.

В избе была русская печь с лежанкой и печуркой. Катерина часто с теплотой её вспоминает. Топилась она круглый год. Из чела её всегда пахло чем-то вкусным: свежим хлебом, пирожками, булочками, калачами, наваристыми щами, картошкой. Да мало ли чем пахло. Матери забота была всех накормить. Кате печка казалась живой, чем-то вроде души избы. Оттого, может, она и была такой уютной. Она в суровые зимы всех согревала. Отец перед сном, лёжа на печи, рассказывал ребятишкам сказки про разбойников, про глупых умников и умных дураков.

Девочке всегда казалось, что она начала себя помнить рано. Катя была пятым ребёнком в семье и первой долгожданной девочкой. Родители уделяли ей больше внимания, чем старшим детям. Она всё запоминала.

То, о чём я сейчас поведаю, — это не история детства семьи Селиных, а впечатление от произошедшего с их дочерью в раннем детстве. Случилось это событие с Катей на какой-то праздник. Наверное, это была Масленица. Как всегда, накануне праздника прибрали избу. Полы нашоркали голиком с песочком. Настелили новых самотканых половиков. Бабушка была мастерица их ткать. В этот день Мария Георгиевна затеяла стряпню блинов. Завела целую кастрюлю теста и на двух сковородках начала их печь. Девочка забралась на припечек, где ставили сушиться валенки. Дед всем накатал валенок. Он это дело давно освоил и катал их для всех, кто просил его. Этим ремеслом зарабатывал деньги. Катя сидела на корточках, с припечка следила за ловкой маминой работой и держалась за бельевую верёвку, которая была протянута от заслонки трубы до противоположной стенки. Другие ребятишки, постарше, смазывали блины растопленным сливочным маслом пучками гусиных перьев. Мама Кате сказала:

— Не держись за верёвку, она может оборваться, ты упадёшь на печурку.

Дочка не стала за неё держаться, стояла, слушала, как в печурке уютно потрескивают дрова, и разговаривала с мамой. За разговорами она забыла про мамин наказ и всем

телом повисла на верёвке. И... она порвалась! Катя стала падать на печурку, соблюдая инерцию, падая, наступила в сковородку на только что налитое матерью тесто. Она сильно обожгла подошву и свалилась на не успевших отбежать ребятишек. А сковорода непременно тут же полетела за ней и упала брату на ногу. От ожога его спасло то, что он был обут в валенки. Тут все засуетились, закричали, и Катя тоже орала от боли. Мама бросила стряпать блины, натёрла картошки и стала прикладывать её девочке на ступню. Потом положила в кровать и намазала мёдом. Она ругалась:

— Почему ты не слушаешь, что тебе говорят?

Оказав ей первую помощь, она пошла допекать блины. А Катя ныла, лёжа на кровати, от боли. Когда Мария Георгиевна закончила возиться с блинами, они с ребятишками стали накрывать праздничный стол. Они постелили на стол праздничную скатерть с самосвязанными кружевами. Стол был самодельный, длиной метра два, от угла до окна, такой, чтобы всем места хватило. Из подвала достали разносолы, с русской печи вынули ухватом чугунок с картошкой, запечённой с луком, приправленную сливочным маслом запеканку, вкусное тушёное мясо. По избе пошёл аромат от еды. Стол весь был заставлен яствами. Катю к столу принесли на руках. Мама усадила её к себе на колени и пододвигала всё самое вкусное.

Гулять она тогда не ходила. Ребятишки ловили соек и синичек и ей хвастались. А она только редела. Кате тоже хотелось поймать снегиря. На улице уже начали подтаивать сугробы. Запахло приближающейся весной. К счастью, мама ей ногу почти залечила. Она ежедневно смазывала и бинтовала её.

Однажды утром, проснувшись, Катя сбросила одеяло и встала на обе ноги. Мама тут же подбежала к ней и начала целовать её от радости. Непослушание привело Катю к этому событию, которое было одним из первых впечатлений от той жизни раннего детства, которая теперь кажется невероятной.

За прожитые Катей годы произошло много перемен как в жизни народа, так и в её судьбе. Вполне естественно, что годы идут и жизнь меняется, но время не смывает черты той далёкой жизни, той старины.